

Антоний Погорельский

ЧЁРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Рисунки А. Елисеева

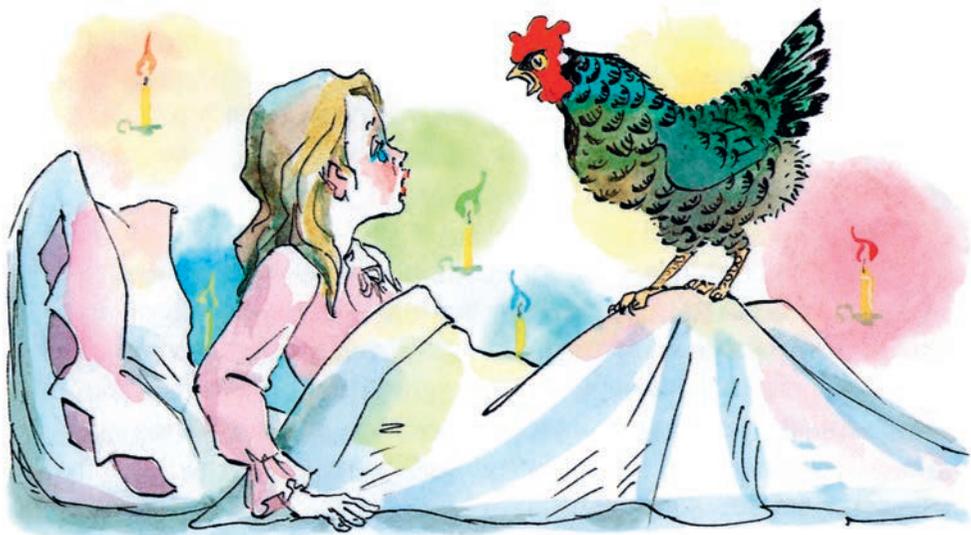
«МАЛЫШ»

Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острову, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который ещё и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, несколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своєю красотою, хотя и далеко ещё не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было весёлых тенистых аллей: деревянные подмостки, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь;

ёздил закупать провизию для стола: бѣлую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алёша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из бѣлой бумаги вырезать красивую сѣтку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано утром явился парикмахер и показал своё искусство над бѣклями, тупеём и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу

— Алёша, Алёша!

Вдруг бѣлая простыня приподнялась, и из-под неё вышла... чѣрная курица!

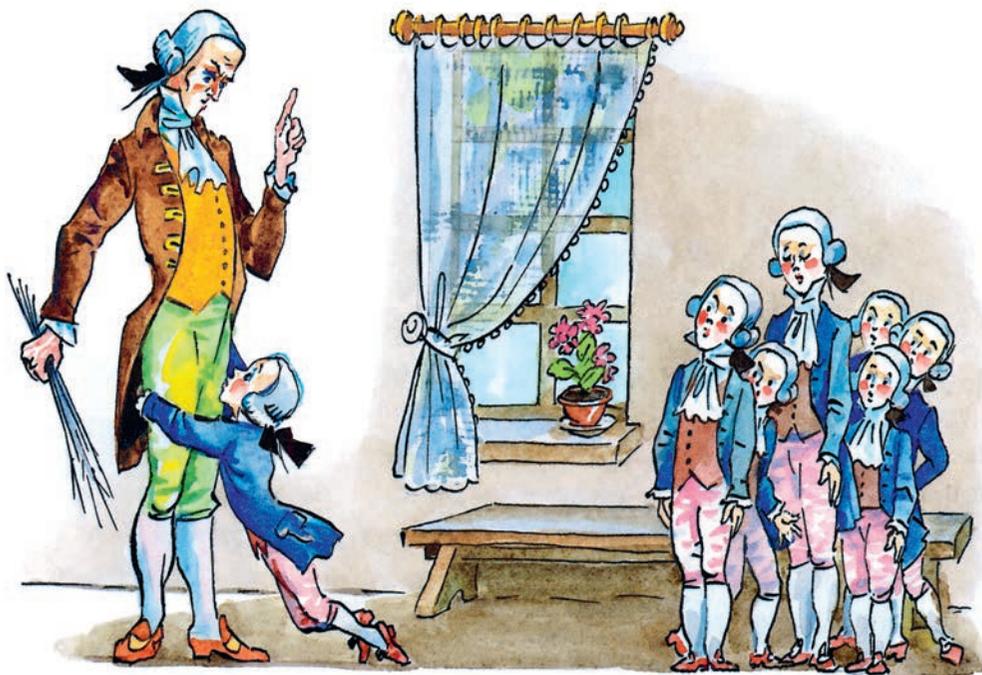
— Ах! Это ты, Чернушка! — невольно вскричал Алёша. — Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

— Это я, Алёша! Ты не боишься меня, не правда ли?

— Зачем я тебя буду бояться? — отвечал он. — Я тебя люблю; только для меня

как существова́л пансио́н, нака́зывали ро́згами, и кого́ же — Алёшу, кото́рый так мно́го о себе́ ду́мал, кото́рый счита́л себя́ лу́чше и умне́е всех! Како́й стыд!..

Он, рыда́я, бро́сился к учи́телю и обеща́лся соверше́нно испра́виться.

— На́добно бы́ло ду́мать об э́том пре́жде, — был ему́ отве́т.

Сле́зы и раска́яние Алёши трону́ли това́рищей, и они́ нача́ли проси́ть за не-